

Ирина Протопопова, Алексей Гараджа

Не в строку лыко: рецензия А.Н. Егунова
на перевод платоновского «Пира» С.К. Аптом

IRINA PROTOPOPOVA, ALEXEI GARADJA
AN INCH OFF SQUARE: A.N. EGUNOV'S REVIEW
OF THE TRANSLATION OF PLATO'S *SYMPOSIUM* BY S.K. APT

ABSTRACT. The paper deals with the unpublished review by the Soviet classical scholar and translator Andrei Nikolayevich Egunov (1895–1968) of the translation of Plato's *Symposium* by Solomon Konstantinovich Apt (1921–2010), the prominent Soviet and Russian translator of many ancient Greek and modern German writers, that was first published in 1965 and then, with revisions, in 1970 and 1993. The original manuscript of the translation seems to be lost, but the comparison of the review with the printed translation allows to infer that a considerable number of Egunov's edits had been accepted. The list of charges Egunov brings against Apt is rather extensive: grammatical errors and deficiencies; inadequate knowledge of the Russian language, inability to discern meanings and nuances, a total lack of taste; lingual anachronisms in the cultural and historic perspective; forced "folklorization" and vulgarization; adulterations of the text as a result of his straightforward rendering of euphemisms; inconsistencies in the translated language of the personages with their social status and educational level; unjustified crudely comic and contingently vulgar rendering of the text; a bureaucratic gobbledegook; a lack of scrupulous attitude towards the text, deviations from the intended sense; the Russian translation of many passages of the *Symposium* blatantly "apes" the German translation by Schleiermacher. By analyzing the methodological and psychological grounds for such a scathing estimation, the authors concludes that a great number of Egunov's charges against Apt are starkly weak and contradictory, and an inch breaks no square, as an old saying runs.

KEYWORDS: Plato, Andrei Egunov, Solomon Apt, principles of translation.

© И.А. Протопопова (Москва). plotinus70@gmail.com. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный ун-т.

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 19.2 (2023)

DOI: 10.25985/PI.19.2.12

Стандартным собранием сочинений Платона на русском языке и сегодня остается четырехтомник 1990–1994 годов под общей редакцией А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи, выпущенный в издательстве «Мысль» в серии «Философское наследие»; ему предшествовали (в тех же серии и издательстве) трехтомник 1968–1972 годов под редакцией Лосева и Асмуса и отдельный том 1986 года ранних и сомнительных диалогов Платона с приложением двух поздних неоплатонических сочинений; этот том (под редакцией Лосева) был затем распределен между первым и последним томами четырехтомника, а трехтомник перепечатан в издательствах Санкт-Петербургского университета и Олега Абышко в 2006–2007 годах¹. Трехтомнику же предшествовал сборник «Избранных диалогов» Платона, вышедший в 1965 году в издательстве «Художественная литература» в серии «Библиотека античной литературы» под общей редакцией С.К. Апта, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского, А.А. Тахо-Годи и С.В. Шервинского; далее на титульном листе названы В.Ф. Асмус (составитель и автор комментариев) и А.Н. Егунов (редактор переводов)².

Разумеется, и в подготовке последующих изданий серии «Философское наследие» помимо Лосева, Асмуса и Тахо-Годи участвовал большой коллектив переводчиков и редакторов, но даже в сокровенных местах вроде примечаний редакторы не упоминаются (это касается трехтомника), а их правка остается неотмеченной, в полном соответствии с неприглядной советской, да и российской в целом, издательской практикой. Это, конечно, усложняет задачу сравнения разных редакций русских переводов платоновских диалогов, опубликованных во всех трех названных изданиях, в частности версий выполненного Аптом перевода «Пира»³. Мы не знаем, как именно при подготовке «Избранных диа-

¹ Лосев et al. 1990–1994, 1968–1972, 1986 и 2006–2007. «Трехтомник» на самом деле тоже был четырехтомником, поскольку третий том состоял из двух отдельно изданных частей. Петербургское издание отличается от оригинального измененной пагинацией и дополнительной корректурой (далеко не всегда удачной).

² Асмус et al. 1965. Реальным редактором издания был, как можно предположить, С.А. Ошеров (1931–1983), чье имя скромно спряталось в колофоне книги.

³ Апт 1965, 1970 и 1993.

логов» распределялись обязанности между переводчиком и «общим редактором» Аптом и «редактором переводов» Егуновым. Как вообще складывались их отношения? Судя по неопубликованной рецензии, о которой пойдет речь, не очень.

Андрей Николаевич Егунов (1895–1968), выпускник Петроградского университета, ученик С.А. Жебелева, АБДЕМовец, переводчик «Законов» и «Послезакония» еще в задуманном (и не оконченном) «академическом» 15-томнике творений Платона⁴, отсидевший после войны десять лет в лагерях (за то, что оказался в оккупированном Новгороде — куда советская власть его перед тем и сослала, изгнав из Ленинграда), принадлежал к старшему поколению послевоенных издателей русских переводов Платона наряду с А.Ф. Лосевым (1893–1988), В.Ф. Асмусом (1894–1975), М.Е. Грабарь-Пассек (1893–1975), Ф.А. Петровским (1890–1978) и С.В. Шервинским (1892–1991). Соломон Константинович Апт (1921–2010), выпускник Московского университета, ученик С.И. Радцига, переводчик Эсхила, Аристофана, Еврипида, но главным образом прославившийся своими переводами Томаса Манна, воспринимался в 1965 году как «молодой» — среди всех этих мэтров только А.А. Тахо-Годи (1922–) была ему почти ровесницей. Впрочем, ближе всего Апту были Асмус, Грабарь-Пассек и особенно Петровский, о которых он вспоминает с большой теплотой⁵. В то время Апт уже трудился над переводом «Иосифа и его братьев», вышедшим в 1968 году, где безусловно обнаруживаются переключки с его же переводом «Пира». В частности, слово «двуснастный» для греческого ἀνδρόγυνος в «Пире», почему-то не понравившееся Егунову, в «Иосифе» передает немецкое *mannweiblich*.

Список претензий Егунова к переводу Апта примерно следующий (в порядке появления): грамматические ошибки и недочеты; недостаточное владение русским языком, неспособность различать значения и оттенки, полное отсутствие вкуса; культурно-исторические языковые анахронизмы; насильственная «фольклоризация» и просторечие; огрубление текста из-за прямолиней-

⁴ Жебелев et al. 1922–1929. Переводы Егунова вошли в 13 и 14 тома (1923).

⁵ См. Старикова 2011: 23–38.

ного перевода эвфемизмов; несоответствие в переводе языка персонажей их социальному положению и образованности; непропорционально грубо-комедийная, условно-простонародная передача текста; канцелярит; отсутствие бережного отношения к тексту, отступления от смысла; перевод многих фрагментов «Пира» сделан с немецкого перевода Шлейермахера.

Такое количество и уровень претензий — от мелких грамматических недочетов до обвинений в полном отсутствии вкуса и в конце концов в «списывании» перевода у Шлейермахера — делает рецензию совершенно разгромной. Впрочем, автор сам прямо заявляет:

Перевод С. Апта неверно передает общий тон и характер диалога «Пир», искажает слог и язык автора и поэтому должен быть признан совершенно неудовлетворительным. Для приведения перевода С. Апта в мало-мальски сносный вид пришлось в порядке «редакторской правки» переменить до 3/4 текста его перевода⁶.

К сожалению, до нас не дошла рукопись первого варианта перевода Апта, поэтому непосредственное сличение его с переводом, вошедшим в издание 1965 года, невозможно. По словам Р.В. Светлова, значительное число замечаний Егунова было учтено⁷; добавим, что мы при этом не знаем, кто вносил правку — сам переводчик, «редактор переводов» Егунов или, возможно, редактор книги в целом С.А. Ошеров. Тем не менее, претензии Егунова и опубликованный перевод Апта (измененный, хотя и не радикально, в 1970 и 1993 годах⁸) дают возможность проследить разные переводческие стратегии, разные концептуальные представления о прозе Платона. Попробуем сделать ряд замечаний.

Сразу же бросается в глаза противоречивость обвинений: с одной стороны, упреки в просторечии, с другой — в канцелярите: «Там, где наш переводчик перестает наконец цеголять своими

⁶ Светлов 2023: 259.

⁷ Светлов 2023: 247.

⁸ Автор правки аптовского перевода «Пира» 1970 года не назван, а текст 1993 года «заново сверен А.А. Столярковым» — будущим переводчиком «Фрагментов ранних стоиков» (Лосев et. al. 1990–1994: 2.442).

словечками, он пользуется вялым, серым языком, далеким от всякой художественности и совершенно противоречащим характеру переводимого им произведения»⁹. При этом достаточно комично, что отпор канцеляриту Апта дается на языке того же канцелярита: «Словом, это те нежелательные языковые навыки, с которыми борется в наши дни и школа, и газета»¹⁰. Но главное — Егунов вдруг вспоминает о «поэтичности» текста, приводит в пример несколько не отраженных в переводе риторических приемов и обвиняет Апта в том, что тот снижает тон диалога — «своего рода модернизация в сторону серости, обыденности»¹¹.

В свете такой критики перевод предстает на редкость противоречивым, а текст «Пира» на русском языке — набором стилистически бессвязных языковых картинок. Однако в опубликованном переводе мы, наоборот, видим стройную художественную целостность, где каждый персонаж обладает своей речевой характеристикой, где блестяще переведены риторические и «поэтические» приемы и где сохранен общий «мистериально-карнавальнЫй» дух платоновского «Пира». Возможно, дело в серьезной правке — но, может быть, — в оптике, определяющей видение текста и соответствующую оценку перевода?

Егунов задает важнейший вопрос:

Хотелось бы знать, какими историко-литературными и культурно-историческими соображениями, опрокидывающими обычные представления, руководствовался переводчик в своей грубокомедийной, условно-простонародной передаче «Пира» Платона? Было ли это следствием определенной концепции? Была ли вообще какая-нибудь концепция? Читал ли наш переводчик до этого своего перевода что-нибудь из Платона и о Платоне? Считает ли переводчик, что в каждого крупного писателя надо, как говорится, войти, постараться его понять и освоить? Элементарность этих вопросов вызывается качеством данного перевода¹².

⁹ Светлов 2023: 256.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*: 257.

¹² *Ibid.*: 256.

Это очень серьезное и притом снова противоречивое обвинение: с одной стороны, Егунов сомневается, что у Апта была какая-то концепция перевода, поскольку он, по откровенному намеку рецензента, совершенно не знает Платона; с другой стороны, он называет передачу текста «грубо-комедийной» и «условно-простонародной», а несколько выше упрекает Апта в том, что тот «внушает читателю ложное представление о Платоне, который в таком адаптированном виде мало чем отличается от некоторых стихотворений Катулла или от комедии Менандра»¹³.

Как видим, в спор вступают два разных представления о Платоне: одно, названное Егуновым «обычным», и другое, которое мы выше назвали «мистериально-карнавальным».

В замечаниях Светлова уже отмечена карнавальность, переданная у Платона Аптом: идея карнавальности культуры витает в воздухе — в 1965 году, когда выходят «Избранные диалоги» Платона, появляется и книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле. Отметим, что в том же духе пишет в 1950-е годы о Платоне О.М. Фрейденберг: она считает, что Сократ предстает у него как комедийный персонаж, трикстер, а жанровый исток такого персонажа — мим античного низового театра. Знаменитая Сократова ирония, постоянное притворство и гибризм, в котором его упрекает в «Пире» Алкивиад, идут от балаганного эйрона («притворщика»), который «„скрывал“ под мнимой наивностью и безобразием свою „сущность“»¹⁴.

Однако жанр мима Платон преобразует в мистериально-философском смысле: «Оппозиция мнимого и подлинного, призрачного и зримого, внешнего безобразия и внутренней красоты составляла душу и мистерии (философии), и мима»¹⁵. Поэтому Сократ с необходимостью становится «оборотнем», носителем неперменной двусмысленности:

«Пир» Платона по своей тематике толкует о двух противоположных Эросах — об Эросе возвышенном («небесном») и об Эросе

¹³ Светлов 2023: 255.

¹⁴ Фрейденберг 1998: 293.

¹⁵ *Ibid.*: 298.

низменном («гибристе»). <...> Но вся тема целиком, тема «истины-призрака» (ἀληθῆ-εἶδωλον), воплощена Платоном в фигуре Сократа: в лице Сократа то, что говорит Диотима (персонаж, олицетворяющий «истину»), и то, что говорит ее противоположность, Алкивиад (олицетворение «призрачности»), отождествляется. Сократ есть и гибрист, и небесная мудрость, созидание.

Снаружи Сократ безобразен и «сокрыт»; он «прикидывается», соответствуя природе балаганного диссимулятора, эйрона. Но в «открытом» виде у него внутри находится сияющее божество. <...>

Он — двойной силен и двойной Эрос, и в нем сочетаются две природы — мистериальная и гибристическая¹⁶.

Мы считаем такую трактовку платоновского Сократа и «Пира» точной, тонкой и фундированной как историко-культурным контекстом возникновения греческой философии, так и главным философским смыслом «Пира». И мистерия, и комедия нужны здесь не для «украшения», а именно для философии. Весь текст построен на игре двух планов: «умопостигаемого» (*ноэтон*) и «видимого» (*хоратон*). Одна часть «Пира», связанная с посвящением Сократа Диотимой в эротически-философскую мистирию — «аполлоническая», «возвышенная» (хотя и в нее комедиограф Аристофан вносит двусмысленность); другая, начинающаяся с комоса и прихода хмельного Алкивиада, — «дионисийская», «чувственная». Восхождение к «прекрасному самому по себе» в первой части — параллель к соблазнению Сократа Алкивиадом во второй¹⁷. В «Пире» один план просвечивает сквозь другой, раскрывая главную идею Платона: причастность мира видимого миру эйдосов, отражение мира эйдосов в мире чувственном.

Такой контекст и такая философская подоплека обуславливает постоянные двусмысленности в диалогах Платона: можно вспомнить двойственность эроса в «Федре» и доходящую до непри-

¹⁶ Фрейденберг 1998: 297–298. В изданном тексте «Образа и понятия» вместо невозможного *ἀληθῆ следует читать ἀλήθεια 'истина' либо ἀληθῆ 'истинно'; при этом обыгрывается «непотаенность» алетей и «сокрытость» Сократа.

¹⁷ См. Протопопова 2015а и 2015b.

стойности двусмысленность фрагмента о росте крыльев души и Эроте-Птероте (*Phdr.* 250–251b)¹⁸. В «Пире» мы видим то же самое — и переводы Аптом глаголов с эротическими коннотациями (*συνουσία* и *χαρίζεσθαι*) в их «низком» значении подчеркнута обнажают второй, откровенно чувственный план, что возмущает Егунова¹⁹. Однако в речи Павсания с помощью этих слов намек делается именно на сексуальное общение с мальчиками (*Smp.* 184–185). В итоговый вариант перевода эти слова вошли всё же как эвфемизмы, и это, на наш взгляд, правильно, поскольку тем самым они сохраняют необходимую семантическую игру.

Егунов, как нам кажется, не видит философского значения двусмысленностей и «гибризма» у Платона, поскольку не улавливает связь между концепцией отражения эйдосов в чувственном мире и мимесисом как философской драмой, однако он обвиняет Апта в том, что тот неверно передает философский смысл платоновского текста, приводя в пример перевод *δόξα* ('мнение') словом «суждение», в то время как переводить это нужно — считает он — как «представление»²⁰. Здесь мы, пожалуй, согласимся, что русское «суждение» ближе по узусу словам, обозначающим не «мнение», а рациональное мышление, для которого в греческом у Платона и после него *terminus technicus* — это *διάνοια* 'разум, рассудок'. Однако сам Егунов в своих переводах не доносит важнейшие философские смыслы Платона. Приведем один пример.

В ключевом фрагменте «Государства», где вводится идея Блага, а затем дается описание сфер сущего через метафору «разделенной линии» (*R.* 505–511), Сократ сравнивает сферу «дианойи», то есть рационального мышления, управляющего так называемым научным познанием, с высшей ноэтической сферой, где правит «ум» (*νοῦς*), продвигающийся без помощи всяких образов (в отличие от более низких сфер, в том числе и математики) эйдосами через эйдосы к беспредпосылочному началу. Вот как он подчеркивает особенности нуса по сравнению с дианойей:

¹⁸ См. Гараджа, Протопопова 2015.

¹⁹ Светлов 2023: 254–255.

²⁰ *Ibid.*: 257.

Τὸ τοίνυν ἕτερον μάνθανε τμήμα τοῦ νοητοῦ λέγοντά με τοῦτο οὗ ἀν-
τὸς ὁ λόγος ἄπτεται τῇ τοῦ διαλέγεσθαι δυνάμει, τὰς ὑποθέσεις ποιού-
μενος οὐκ ἀρχὰς ἀλλὰ τῶ ὄντι ὑποθέσεις, οἷον ἐπιβάσεις τε καὶ ὀρμάς,
ἵνα μέχρι τοῦ ἀνυποθέτου ἐπὶ τὴν τοῦ παντὸς ἀρχὴν ἰών, ἀψάμενος
αὐτῆς, πάλιν αὖ ἐχόμενος τῶν ἐκείνης ἐχομένων, οὕτως ἐπὶ τελευτῇ
καταβαίη, αἰσθητῶ παντάλασιν οὐδενὶ προσχρώμενος, ἀλλ' εἴδεσιν
αὐτοῖς δι' αὐτῶν εἰς αὐτά, καὶ τελευτᾶ εἰς εἶδη (R. 511b3–c2).

А вот как это передано у Егунова:

Пойми также, что вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним¹⁷.

Егунов переводит фрагмент о восхождении к беспредпосылочному началу как чисто рационалистическое построение, не случайно используя для *τελευτή* слова из сферы логики: «заключение», «выводы». У Платона же здесь совершенно очевидны мистериальные аллюзии¹⁸ — и соответствующая лексика, и сама схема ступенчатого восхождения к «началу всего», а затем возвращения «посвященного» к эйдетике несомненно близки описанию Диотимой восхождения по эротической лестнице красоты к «прекрасному самому по себе» и созерцанию эйдосов без помощи чего-либо чувственного (*Smp.* 210–212).

Таким образом, Егунов рационалистически, а значит — поверхностно, а значит — недостаточно верно, передает философский смысл одного из ключевых пассажей, поскольку не видит мистериальной подоплеки платоновской диалектики. Мы считаем, что

¹⁷ Лосев et al. 1990–1994: 3.293. В итоговом четырехтомнике, помимо старых (конечно, переработанных) переводов «Законов» и «Послезакония» из «академического» собрания творений Платона, Егунов представлен также своими переводами «Федра» (1965) и «Государства» (1971).

¹⁸ Ср. *τελετή* 'посвящение в таинство' и собственно 'таинство'.

обвинения Егуновым Апта в том, что тот «не понял и не освоил» Платона, совершенно не приемлемы, — более того, если исходить из позиции мистериально-карнавальных коннотаций платоновской философии (а эта позиция видится нам вполне обоснованной), то подобное обвинение можно предъявить самому рецензенту.

Заметим, что итоговое обвинение в «списывании» у Шлейермахера тоже крайне противоречиво: если переводчик ориентировался на немецкий, то как он мог пронизать весь свой перевод русским просторечием и канцеляритом?

Трудно объяснить откровенную слабость многих обвинений Егунова, человека тонкого и хорошо образованного. Так, непонятна его ирония по поводу «шутки» Апта, пополнившего «состав нашей братии переводчиков... еще и демонами... он уверяет, что „демоны — переводчики“»¹⁹. Пускай не «демоны», а «гении», пускай не «переводчики», а «истолкователи» — но в тексте совершенно нешуточное ἐρμηνεύων (*Smp.* 202d3). Или еще более едкое замечание о том, будто Апт и не заметил собственного каламбура в пассаже о мудрости, которая «осенила в сених» Сократа²⁰. Как раз-то заметил — и передал вполне достойно: ὁ <sc. τὸ σοφόν> σοὶ προσέστη ἐν τοῖς προθύροις (*Smp.* 175d1). Или совсем уже безоглядное — об аптовском переводе папирусного «Брюзги» Менандра (собственно, только *argumentum metricum* к этой комедии, написанного Аристофаном из Византия):

Нельзя не отметить единство стиля в различных переводческих работах данного переводчика. Открываем Менандра, и в первых же строках (стр. 37) встречаем слово «смиловáвшись» (с таким ударением), неверно употребленное в значении «смилоствивиться», как ясно из контекста. Народное же слово «миловаться» означает «любить» («миловались, целовались»), так что у нашего переводчика, собственно говоря, выходит, что старик «слюбился» с женой пасынка²¹.

¹⁹ Светлов 2023: 259, п. 13.

²⁰ *Ibid.*: 254.

²¹ *Ibid.*: 255, п. 11. Егунов «открывал» томик Церетели et al. 1964 из той же

Речь идет о следующих строках: «Дочь отдал замуж, пасынку же Горгию / Сестру Сострата, смилловавшись, в жены взял»²². Но почему же именно «смилловавшись», а не «смиловавшись»? Егунов просто не знал глагола «смиловаться», синонимичного «смиловаться»? Трудно себе это представить. Тогда просто почудилось, что стих требует только такого ударения?

Особенно не по себе Егунову от «карнавализации» речи героев «Пира» — представителей «избранного афинского общества, афинской элиты»: «в данном переводе *речевая характеристика персонажей не соответствует ни их социальному положению, ни их образованности*»²³. Тут снова либо наивность (не могут же избранные так выражаться!), либо особенное советское двоемыслие — не просто говоришь одно, а думаешь другое, но и говоришь, и даже *думаешь* одно, а в глубине души *знаешь* другое, всячески от этого подспудного знания отмахиваешься, спасая свою зашоренность, и в результате ничего не *понимаешь*. О «знании» и «понимании» в связи с задачей переводчика пишет в своем письме к Апту в 1986 году М.Л. Гаспаров, поднимаясь к вопросу о *вкусе*:

Но главное — не «знать», а «понимать»: а для этого нужны не просто переводы, а комментированные переводы, открывающие за памятником его культурный мир (таких у нас ничтожно мало) и связывающие памятник с нашими сегодняшними запросами (такие у нас очень примитивны — «Аристофан в борьбе за мир» и пр. <...> для переводчика я пожелал бы не только углублять и укреплять свой природный вкус и склонность, чтобы этим пробивать стену сопротивления новым открытиям, — но и менять, расширять свой вкус... стремясь к всепониманию. <...> переводчик как профессионал («мастер» в средневековом смысле слова) обязан уметь всё, и об этом полезно себе напоминать — именно чтобы не скатываться в халтуру²⁴.

«Библиотеки античной литературы», где в следующем году выйдут «Избранные диалоги» Платона: это позволяет точно датировать его рецензию.

²² Церетели et al. 1964: 37. В оригинале: τούτου δ' ἀδελφὴν λαμβάνει τῷ Γοργίᾳ, / τῷ τῆς γυναικὸς παιδί, πρῶτος γενόμενος (Kassel, Schröder 2022: 67.11–12).

²³ Светлов 2023: 254–256.

²⁴ Старикова 2011: 175–176.

Возможно, проблема Егунова — именно в узости заточенного (с любимым ударением) вкуса — а это уже «вкусовщина» — и нежелании его расширять, впуская в свой мир неведомых «чудищ облых, озёрных». И это вполне объяснимо — после десяти-то лет каторги. Есть у нас, впрочем, пример и другой крайности у другого переводчика «Пира», который обеими руками за карнавализацию и «решительно отвергает» даже невинное аптовское «осенила в сенях» — взамен предлагая «накрыла на крыльце»!²⁵ Вкус — это прежде всего нахождение и поддержание баланса между жатостью вкусовщины и развязностью безвкусицы.

В заключение скажем немного о комментариях — которые призваны, по только что приведенным словам Гаспарова, вести от «знания» к «пониманию». Авторами комментариев к переводам Платона обозначены: В.Ф. Асмус в «Избранных диалогах» и А.А. Тахо-Годи — в трех- и четырехтомном «Собрании сочинений», а также в «Диалогах» 1986 года. Кроме того, в трех последних изданиях примечания к каждому диалогу открываются своеобразным планом-перспективом, написанным А.Ф. Лосевым, где в достаточно жесткой форме читателю разъясняется, как именно следует толковать данный текст.

Вот что пишет Егунов об аптовском переводе одного долго не дававшего покоя исследователям места в самом начале «Пира»:

На первой же странице... читателя поражает выражение «*Фалера тебе в бок*», что для русского уха звучит как «холера тебе в бок»; читатель сразу приходит к выводу, что, видно, и в древней Греции была своего рода «шпана».

А в сноске замечает:

Мы не знаем, на каком ученом толковании основывался переводчик, переводя именно так. Ср. переданную мною в изд-во заметку для комментатора этого диалога²⁶.

Насчет «Фалеры в бок», конечно, справедливо, и разумеется Апт подводил к «холере», но дальше Егунов заводит всё ту же

²⁵ См. нашу рецензию на перевод А.В. Маркова (Гараджа, Протопопова 2019).

²⁶ Светлов 2023: 248–249.

песню: как так, Афины, город на холме, тем более портовый, ну где вы там шпану найдете? В окончательной версии перевод этого места у Апта звучит так:

На днях, когда я шел в город из дому, из Фалера, один мой знакомый увидел меня сзади и шутливо окликнул издали.

— Эй, — крикнул он <sc. Главкон>, — Аполлодор, фалерский житель (Φαληρεύς), погоди-ка! (*Smr.* 172a2–5)

И мы знаем содержание «переданной в издательство заметки» Егунова для недоумевающих комментаторов диалога:

По созвучию слов φαλαρεύς <sic> — фалериец, т.е. житель Фалера, φάλαρος — «с белыми пятнами», «глянцевитый» и φαληρίς — «птица-лысуха» в этой шутке намек на лысину Аполлодора²⁷.

Подобные фантастические объяснения «шутки» восходят к немецким издателям XIX века. Но суть в том, что Φαληρεύς — это не просто «житель Фалера», а демотикон, то есть неизменная часть официального имени афинского гражданина после реформ Клисфена — двоюродного прадеда Алкивиада, — добавлявшаяся к его патрониму, отчеству. Соль шутки — в неуместной официозности (тот же канцелярит) обращения к приятелю, которое к тому же выдается стихотворным одиннадцатисложником: ³Ω Φαληρεύς οἷτος Ἀπολλόδωρος²⁸. Апт, по-видимому, понимал, что никаких тонких этимологических намеков здесь искать нечего (тем более что нет и не предвидится никаких подтверждений плешивости Аполлодора). Понимал, вероятно, и то, что передавать демотикон русским отчеством (что-то вроде «Фалерыч») не годится, поскольку так вместо официозности получится фамильярность. Вот и отрезал сгоряча: «Фалера тебе в бок». Возможно, здесь тоже уместно опереться на ритм: «Аполлодор, Фалером урожденный», и т.д.

²⁷ Светлов 2023: 262, п. 17. В окончательной версии комментария: «Шутка основана, видимо, на созвучии греческих слов Φαληρεύς — „житель Фалера“ и φαλακρός — „блестящий“, „гладкий“, т.е. с лысой головой» (Лосев et al. 1990–1994: 2.442). Хотя φαλακρός (в отличие от φαλαρός) — это именно ‘плешивый’.

²⁸ См. Hug 1884: *ad loc.*

Литература

- Апт, С.К., пер. (1965), *Платон. Пир*, in В.Ф. Асмус et al. (ред.), *Платон. Избранные диалоги*, 118–184. М.: «Художественная литература».
- Апт, С.К., пер. (1970), *Платон. Пир*, in А.Ф. Лосев et al. (ред.), *Платон. Сочинения в трех томах*, 2.97–156. М.: «Мысль».
- Апт, С.К., пер. (1993), *Платон. Пир*, in А.Ф. Лосев et al. (ред.), *Платон. Собрание сочинений в четырех томах*, 2.81–134. М.: «Мысль».
- Асмус, В.Ф. et al., ред. (1965), *Платон. Избранные диалоги*. М.: «Художественная литература».
- Гараджа, А.В.; Протопопова И.А. (2015), “Гюбрис в «Федре»: метрическая ошибка или «тайное» имя?”, *Соловьевские исследования* 47.3: 23–32.
- Гараджа, А.В.; Протопопова И.А. (2019), “Что-то смешное на нас напало»: О новом переводе платоновского «Пира», *Философия. Журнал Высшей школы экономики* 3.1: 265–285.
- Жебелев, С.А.; Карсавин, Л.П.; Радлов, Э.Л., ред. (1922–1929), *Полное собрание творений Платона в 15 томах*. Петербург; Л.: Academia.
- Лосев, А.Ф.; Асмус, В.Ф., ред. (1968–1972), *Платон. Сочинения в трех томах*. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф., ред. (1986), *Платон. Диалоги*. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф.; Асмус, В.Ф.; Тахо-Годи, А.А., ред. (1990–1994), *Платон. Собрание сочинений в четырех томах*. М.: «Мысль».
- Лосев, А.Ф.; Асмус, В.Ф., ред. (2006–2007), *Платон. Сочинения в трех томах*. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета; «Издательство Олега Абышко».
- Протопопова, И.А. (2015a), “Υβρις как инверсия «объекта» и «метода» в «Пире» Платона”, *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9.2: 373–379.
- Протопопова, И.А. (2015b), “Платоновский «Пир» как силен и андрогин”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 4: 419–425.
- Светлов, Р.В. (2023), “А.Н. Егунов о переводе платоновского диалога «Пир»”, *Платоновские исследования* 19.2: 242–263.
- Старикова, Е., ред. (2011), *С. Апт о себе и других. Другие — о С. Апте*. М.: Языки русской культуры.
- Фрейденберг, О.М. (1998), “Образ и понятие”, in Id., *Миф и литература древности* (составление и подготовка текста Н.В. Брагинской), 223–622. М.: «Восточная литература» РАН.
- Церетели, Г.Ф. et al., ред. (1964), *Менандр. Комедии. Герод. Мимиамбы*. М.: «Художественная литература».

- Garadja, A.; Protopopova, I. (2015), “Hybris in the *Phaedrus*: A Metrical Mistake or a ‘Hidden’ Name?”, *Solovyov Studies* 47.3: 23–32. (In Russian.)
- Garadja, A.; Protopopova, I. (2019), “Something Funny Has Overtaken Us’: A New Translation of Plato’s *Symposium*”, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics* 3.1: 265–285. (In Russian.)
- Hug, A., ed. (1884), *Platons ausgewählte Schriften*. 5. Teil: *Symposion*. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner.
- Kassel, R.; Schröder, St., eds. (2022), *Poetae Comici Graeci*. Vol. 6.1: *Menander. Dyscolus et fabulae quarum fragmenta in papyris membranisque servata sunt*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Protopopova, I. (2015a), “Hybris as Inversion of ‘Object’ and ‘Method’ in Plato’s *Symposium*”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 9.2: 373–379. (In Russian.)
- Protopopova, I. (2015b), “Plato’s *Symposium* as Silenus and Androgyne”, *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities* 4: 419–425. (In Russian.)
- Svetlov, R. (2023), “A.N. Egunov as a Translator of Plato’s *Symposium*”, *Platonic Investigations* 19.2: 242–263. (In Russian.)